

Любовные дела и поиск второй половинки — это отдельная история, но в чем вообще смысл существования такого сюжета?

Чан Лэ никак не мог взять в толк, ради чего ему нужно проживать целую жизнь в подобном игровом мире. Никаких заданий, никакой помощи, лишь бесполезная системная оболочка, да еще и странное заявление о том, что после смерти персонажа мир перестанет существовать. Всё это совершенно не укладывалось в голове.

Чан Лэ сел на кровати. Несмотря на то что эта жизнь мало чем отличалась от прежней, перспектива провести в игровом мире долгие годы казалась ему чересчур утомительной. Утешало лишь то, что это был только первый мир, где средняя продолжительность жизни людей составляла восемьдесят-девяносто лет — вполне приемлемый срок. А вот если бы он попал в мир с технологиями уровня реальности, жизнь могла бы растянуться в пять-шесть раз дольше.

Он вспомнил прочитанные когда-то старые романы. В мирах жанра фэнтези и культивации срок жизни героев и вовсе становился бесконечным по мере достижения новых уровней силы. Неужели, попади он в подобное место, ему пришлось бы совершать самоубийство, чтобы выбраться? От этой мысли Чан Лэ бросило в дрожь. Он уже начал жалеть, что согласился на этот тест, не разобравшись во всем до конца.

Отбросив мрачные раздумья, Чан Лэ решил успокоить себя: поживем — увидим, в конце концов, прервать тестирование можно в любой момент, так что серьезных проблем быть не должно. Успокоившись, он спустился вниз обедать.

Наевшись до отвала, Чан Лэ развалился на диване. Кроме тетушки У, дома никого не было — родители ушли по делам. Включив телевизор, он задумался: не стоит ли заняться чем-то полезным или освоить новый навык на всякий случай? Ведь неизвестно, в какой мир его забросит в следующий раз.

Обдумывая планы на будущее, Чан Лэ составил список дел в заметках телефона и, не откладывая в долгий ящик, перешел к действиям. Он начал задействовать свои связи. Принцип Чан Лэ был прост: если уж берешься за дело, делай его безупречно. Хотя он не проходил профессиональной подготовки по большинству навыков, у него был природный талант ко всему, за что он брался. Стоило ему начать обучение, как он погружался в процесс с головой, отдавая все силы и занимаясь этим изо дня в день. Чан Лэ был уверен: даже при наличии таланта без упорного труда не достичь желаемых высот. А если уж делать, то на пределе своих возможностей — только так можно было оправдать потраченное время и энергию.

Незаметно пролетело время. Чан Лэ только вспомнил, что та компания обещала заглянуть к нему сегодня, как раздался дверной звонок. Шлепая тапочками, он не спеша открыл дверь. Как и ожидалось, на пороге толпилась целая орава.

Он посторонился, и шумная толпа ввалилась в гостиную. Тишина была мгновенно нарушена: все заговорили одновременно, от этого гама начала раскалываться голова. Чан Лэ глубоко

вздохнул и громко крикнул:

— Тихо!

На мгновение повисла тишина, но затем шум возобновился с новой силой. Люди обступили его, толкаясь и перебивая друг друга. Чан Лэ почувствовал, что вот-вот оглохнет. Внезапно кто-то позади начал расталкивать назойливых визитеров, прикрывая им рты рукой и принудительно заставляя замолчать. Разобравшись с одним, этот человек принялся за остальных.

Когда вокруг наконец воцарилась тишина, Чан Лэ увидел, что порядок навел Се Бинь, стоявший теперь впереди всех. Се Бинь обвел толпу суровым взглядом, и каждый, на кого он посмотрел, послушно имитировал движение застегивающейся молнии на губах. Добившись желаемого, Се Бинь обернулся к Чан Лэ, показывая, что тот может начинать.

Чан Лэ одобрительно кивнул, похвалив его за решительность, и Се Бинь заметно просиял. Чан Лэ прочистил горло и произнес:

— Договоритесь между собой: пусть спрашивает кто-то один. Вы так орете, что у меня уши закладывает. И еще: прежде чем задавать вопрос, подумайте, не захочется ли мне наградить вас за него увесистой пощечиной. О силе удара судите сами, у меня есть личный вышибала.

Он указал на Се Биня. Тот очень понятно продемонстрировал свой кулак размером с мешок с песком. Все, кто хоть раз пробовал его на себе, знали: после одного такого удара человек спит до самого рассвета, экономя на еде и излечиваясь от бессонницы. Угроза подействовала — толпа испуганно сжалась.

Несколько человек сбились в кучку, что-то зашептали, постоянно оглядываясь на Чан Лэ и Се Биня. Чан Лэ вернулся на диван, демонстративно игнорируя их поведение. Он дернул за рукав все еще стоявшего столбом Се Биня, усадил его рядом с собой справа и снова уставился в телевизор.

Прошло уже полсерии, прежде чем они наконец вытолкнули вперед своего козла отпущения. Им оказался Чжоу Тань, сосед Чан Лэ по комнате в Императорском высшем училище в реальности, который в этом игровом мире стал его университетским соседом — по сути, никакой разницы. А выбрали его потому, что он был добрым человеком — в самом буквальном смысле.

У Чжоу Таня был мягкий характер, и он часто брал на себя вину за проделки остальных перед Чан Лэ. Тот много раз отчитывал его за это, просил не покрывать друзей, но Чжоу Тань был слишком податлив. В конце концов, Чан Лэ махнул рукой — в конце концов, это были просто дружеские шалости. Часто, даже не дослушав, Чан Лэ по одному виду Чжоу Таня понимал, кто именно натворил дел.

Бросив на него мимолетный взгляд, Чан Лэ догадался, чья это была идея. Чжоу Тань сел

рядом, опасливо покосился на Се Биня и робко спросил:

— Лэ-бао, а кто тот человек, который встречал тебя на парковке бара?

Чан Лэ резко обернулся:

— Вы все видели?!

Он вспомнил про сидящего рядом Се Биня и украдкой, как ему казалось, взглянул на него. Но как мог не заметить этот взгляд человек, чей взор всегда был прикован к Чан Лэ? Се Бинь заговорил:

— Это из-за меня. В тот день ты так быстро убежал, я испугался, что с тобой что-то случилось, а ты скрываешь... У меня как раз было кое-что на уме, вот я и пошел искать тебя.

Он не договорил, но смысл второй части фразы был понятен всем.

— А потом они тоже подошли и увидели тебя и... его.

Когда Се Бинь произносил это слово, оно звучало так, словно было самым сложным иероглифом в языке. Он долго жевал его, и от долгого пребывания во рту оно стало сухим и безвкусным, а горло словно перехватило спазмом.

Чан Лэ понял, что под этим он имел в виду Ноэля. Вспомнив, что сам еще не до конца разобрался в правде, он не знал, как объясниться. Сказать, что они просто друзья детства? Но после того, как он узнал, что Ноэль — это Цинь Юэ, такие слова давались с трудом. После всего случившегося называть их отношения просто дружескими было бы нечестно по отношению к самому себе.

Чан Лэ не хотел лгать, особенно Се Биню. Каждый раз, глядя на него, он чувствовал, как внутри все сжимается от силы чувств, читаемых в глазах парня. Игнорировать это — не значит стереть из реальности. Чан Лэ понимал, что не может ответить взаимностью, и все его попытки только заставляли Се Биня погружаться в эти чувства все глубже, что вызывало лишь острое чувство поражения.

Янь Ми, наблюдавший издали за замолчавшим после вопроса Чан Лэ, понял, что здесь кроется что-то, о чем тот не может или не хочет говорить. Заметив, как Чан Лэ украдкой взглянул на Се Биня, он понял: дело принимает скверный оборот. Опасаясь, что Чан Лэ сейчас наговорит лишнего, Янь Ми поспешил вперед и вытянул его из гостиной.